

Проблемы смешанных браков в рассказе «В деревню» Яниса Порук

Борис Инфантьев

Один из самых излюбленных и популярных латышских писателей конца XIX — начала XX века Янис Порук, несмотря на свою западную ориентацию (учился музыке в Германии, переводил немецких классиков), не прошел мимо русского человека.

На своей родине, в Петербурге, русский человек сочетал свою жизнь с женой-латышкой, это и послужило основой для глубоких психологических размышлений писателя.

И ни разу у латышских авторов не возникает ни малейшего недоумения по поводу того, зачем же эти русские женятся на латышках? А у Порука такой мысли не возникает ни на минуту, свидетельство тому — текст самих произведений, где при всем желании не почувствуешь ни намека на иронию или критическое замечание.

То же можно сказать и о другом произведении — рассказе кучера, однажды отвожившего писателя к его другу, управляющему имением, куда помещик переселил часть своих крестьян из российской глубинки и которые в новых жизненных условиях продолжают жить по старинке, даже как бы не замечая, что соседствуют с иноплеменным людом.

Однако в контексте наших исследований особым интересом отличается более пространственный, психологически глубоко продуманный и прочувствованный рассказ «В деревню», где возникает проблема смешанных браков, правда, осложненная еще и таким фактором, как социальное неравенство, различный уровень образования и интеллигентности обеих половин. Речь идет о петербургском чиновнике средней руки, женившемся на своей прислуге. «Коллега попрощался и ушел. Петр Андреевич, проводив товарища, вошел в комнату, чтоб помочь своему сынку выучить школьный урок. Сынок сидел за столом, непрестанно болтал ногами и гудел одно и то же слово на различные мелодии. Петр Андреевич сел за стол на софу, лицо его приняло серьезное выражение.

«Коля, сколько тебе лет?» — спросил Петр Андреевич.

«Восемь...», — Коля протянул и усмехнулся.

«Вот видишь, такой взрослый ты уже и не

знаешь, как надо себя вести с гостями. Гость тебе протягивает руку, а ты продолжаешь сидеть на стуле и сидишь как прибитый гвоздями... Нет, Коля, так нехорошо... Я же тебе говорил, а ты все так легко пропускаешь мимо ушей. Стыдись, такой взрослый парень, и все надо показывать и рассказывать, как малому ребенку».

Коля покраснел, стыдливо посмотрел на отца и опустил глаза. Действительно, он не помнил, чтобы кто-нибудь ему говорил, как следует вести себя с гостями. Отец иногда сердится: так и так нельзя, но всегда он забывает сказать, как же тогда нужно вести себя. И сегодня Коля не стал умнее. Поведение с гостем так и осталось для него загадкой. Он начал листать задачник арифметики далеко-далеко до того самого места, где листы были слипшимися и испачканными. «Бог знает, когда я до этого места доберусь?» — думал Коля. Математиком он не был, зато сочинения Коля писал хорошие. Описания зимы и лета, которые в качестве сочинений он должен был показать, поднимало его в глазах учителя. А со счетом было не совсем благополучно. Коля своим усердием добился того, что и в этой области он в школе был одним из первых. Коля испугался и быстро открыл те листы, которые были не так испачканы, с загнутыми листами. Коля прочитал задачу и начал думать. Петр Андреевич также стал думать. Его мысли были направлены на более сложные предметы, чем колины арифметические задачи. «Ах дети, дети! Семья и воспитание! Как тяжело воспитывать детей! Они тебя не понимают...», — он охал мысленно. Если бы было больше времени... В бюро работа не особенно долга, но этого недостаточно, надо брать книги домой... Одну, другую ночку я так поработал... Не остается времени для воспитания Коли... А мать! Ах, Анна Карловна, какое у нее хорошее сердце, как любит она меня и детей, как добродушна ко мне и к детям. Соню она носит все время на руках, хотя девочке уже давно пора самой бегать и позволять матери какое-то время отдохнуть. Да, Анна Карловна, к чему все это, что она такая деятельная и порядочная... Простая латышка, мужичка, что

мужичка... Я так старался ее цивилизовать. Говорю: Анна Карловна, не желаете ли сходить в театр? Она улыбается и медленно скажет, что лучше потратить деньги на хозяйство или, еще лучше, сэкономить. Да, да прекрасные мысли, — но без образования человек в наши времена не продвинется вперед. Одну вещь надо поставить в заслугу Анне Карловне: по-русски она уже говорит хорошо. Также произношение и акцент совсем как у наших людей, но в другом отношении она ни на волосок не исправилась. Приходят гости, и она прячется в свой уголок и играет с Соней. Гости спрашивают, что делает ваша супруга? Я говорю: больна... Нездорова... Прошу извинить. А эта болезнь повторяется из года в год, и кажется, никогда не кончится. Что же делать? Остается мне самому больше интересоваться детьми, их воспитывать. Соня, ну она так себе: пойдет, может быть, по следам матери. Женщина остается женщиной. Но Коля! Этот мальчик должен стать мужчиной, научиться бороться в жизни...

К сожалению, Коля, хоть и одаренный, строптив и в своей сущности такой неподвижный, как камень в стене. Но с Божьей помощью может быть все получится хорошо...

«Папа... не могу...» Коля печально говорит.

Петр Андреевич посмотрел на мальчика с неудовольствием:

«Как не можешь?.. Решить?»

«Никак не получается как нужно!»

«Тогда продумай еще раз... Самостоятельным решениям больше пользы. Держись дела и не думай об играх!» Петр Андреевич говорит самоуверенно, чувствуя себя, настоящим воспитателем. Мальчик поморщил лоб, думая так и иначе. Наконец его лицо озарилось. «Так будет!» — он радостно крикнул и начал спешно писать цифры... «Получилось!..» Коля громко сказал и взял чистую тетрадь, чтобы записать задачу, как учитель требовал. «Не спеши! Делай все разумно! — Петр Андреевич заметил, что спеша человек далеко не продвинется, если потом хочет лентяйничать... — Запиши задачу, как положено...» — «Папа, мы скоро поедем в деревню?», — Коля, остановясь писать, заискивающе спросил. — «Как... в деревню?», — Петр Андреевич как бы в изумлении протянул. — «Да, в деревню, к тете Лизе...» — «Как ты можешь так спрашивать, пока школа не закрыта!.. Кроме того, я еще не получил отпуск...» Коля, неудовлетворенный, писал дальше, а Петр Андреевич начал жалеть, что сказал Коле об отпуске... «Действительно, пого-

рячился, — он думал, — что мальчик знает об отпусках... это находится вне его поля зрения. Но, по правде говоря, неплохо, если Коля узнает, что в мире существуют обязанности, что и отец не может в любую минуту уйти и уехать, куда только пожелает...»

Петр Андреевич, опустившись на софу, обдумывал, были ли слова о предполагаемом отпуске уместны, когда из задней комнаты, которая служила спальней и любимым местом пребывания Петра Андреевича, вышла Анна Карловна. «Коля все еще трудится?» — медленно и тщательно, почти укоризненно говорила она. Петру Андреевичу это не понравилось. Он быстро поднялся, пошел навстречу жене и тихим голосом проговорил: «Прошу не мешать нам! Ты знаешь, что о школьных работах ты не можешь судить... Поди, завари чай... А Соня спит?..» — «Спит», — сказала Анна Карловна, сочувственно погладила Колю по голове и вышла в кухню. Петр Андреевич опять уселся. Ему стало жалко, что он так поступил со своей супругой, как бы с прислугой. Но что поделать? Она такая простая, неученая, мужичка что мужичка.

Петр Андреевич получил отпуск и через три дня он уже был с семьей в пути — в деревню. По железной дороге пришлось ехать часов пять, затем на почтовых лошадях. Со станции до усадьбы тети Лизы было верст восемьдесят. Анна Карловна радовалась вместе с детьми зеленым полям, лесам, которые стремительно проносились мимо них. Коля стоял у окна вагона, как прикованный, и ликовал по поводу всего, что видел на обочине железной дороги. «Мама, вот собачки, милые собачки», — он воскликнул, но собачки в следующее мгновение исчезли: поезд спешил вперед. Петр Андреевич сидел задумчив, держал в руках шапку. Ветер врывался через открытые окна, шевелил его жидкие, светлые волосы. Он думал опять о воспитании Коли, о будущих днях, об обеспечении жизни, наконец, он вспомнил о почтовых лошадях... «Лучше было бы, если бы раздобыть частную подводу, — размышлял он, — покрытую повозку, пусть медленнее ехали бы — спешить некуда... Но зато дешевле вышло бы и не пришлось бы ждать на почтовых станциях лошадей; отпали бы чаевые, не надо было бы перебираться из повозки в повозку».

Но жене об этом не говорил ни слова. Зачем ей это говорить. Пусть она играет с детьми. Петр Андреевич, смежив глаза, смотрел на свою супругу. Действительно, она похожа была больше на няньку, чем на его супругу!

Она была так просто одета; кроме того, ее простоватое добродушное лицо напоминало о существе низкого происхождения. А каждый мог видеть, что Петр Андреевич — господин. В петлице пуговицы у него была вплетена орденская ленточка: красная с черными полосками, и лицо его выглядело почтенным. Петр Андреевич все это чувствовал, но не возгордился. Ему стало Анны Карловны жалко. «Совсем как нянька, без какого-либо интереса ко всей мирской жизни! Она не говорит об «индивидуальности», о «модных платьях», о «флирте», а думает, как прокормить детей, как их уложить спать... Она пользуется небольшим запасом слов, но эти самые слова такие дорогие, и дети их понимают...» И Петр Андреевич подумал, как хорошо Анна Карловна относилась к нему. Она никогда не вмешивалась в личные дела мужа, в его служебные дела, и если это когда-либо случалось, то в исключительно приличной форме.

Коллеги Петра Андреевича, правда, его презирали из-за его жены. Они Петра Андреевича открыто поносили за то, что он женился на своей «прислуге» или «кухарке», так он даже не знал, что ответить. Из-за жены прервалась одна-другая связь, что Петра Андреевича очень печалило. Но вопреки всему этому у Петра Андреевича была возможность зло радоваться несчастным бракам некоторых своих товарищей, которые женились на образованных и красивых женах из знатных фамилий.

Добрались до станции, на которой Петру Андреевичу со своими надо было выходить. Анна Карловна осталась с детьми у станции, а сам Петр Андреевич отправился пешком в городишко, примерно в версте от станции. Он исходил несколько мест опрашивая, нельзя ли где раздобыть возницу. Только лошади выглядели истощенными, а цена за поездку Петру Андреевичу показалась слишком дорогой.

«Рвачи, настоящие рвачи!», — Петр Андреевич сердился, когда возница запрашивал пятнадцать рублей. Но возница указывал на то, что ему и обратно придется ехать, в то время как почтовые едут только до своей станции. Петр Андреевич подумал и нанял возницу за пятнадцать рублей. «Прекрасная поездка, — Петр Андреевич про себя сетовал, когда он с женой и детьми сидел в повозке, и возница внимательно смотрел на своих лошадей, которые мелкой рысью трусили по большаку, — жарко, пылит и так скучно...» Сначала и он любовался зелеными лугами, сельскими домами, реками и лесами, но потом, когда все это стало повто-

ряться, ему показалось однообразным. Сосновые боры, которые на горячем солнце потели, ему казались в конце концов смешными карикатурами деревьев — бесконечно сухие и ветвистые... «Да, я предвижу, что в деревне будет страшная скука», — тревожится Петр Андреевич. «Ну, Коля, как тебе нравится в деревне?» — «Замечательно! Ах, как хорошо! — разжевывая былинку и улыбаясь счастливой улыбкой, крикнул Коля, — Папа, вели остановить. Мы с Соней пойдем, немножко побегает по лугу!» Петр Андреевич посмотрел вокруг. Как он понимал, луг, мимо которого они проезжали, был совсем не луг, а выгон, на котором скотина оставила ясно ощутимые следы. Вдоль луга простирался лес, и на краю леса его манила сень. «Извозчик, остановитесь! — он крикнул и, обернувшись к жене, продолжил — «Можно здесь в тени позавтракать... что ты думаешь?» — «Можно!», — отвечала Анна Карловна, втайне радуясь, что муж хочет выполнить желание Коли.

Извозчик остановил лошадей, все вышли из повозки, и возница подогнал упряжь под ветви деревьев, в тень. Петр Андреевич с женой спустились в мураву, а дети, ликуя, побежали на луг. «Ах, цветочки, цветочки!», — Коля кричал и бегал по лугу. Соня маленькими шажками за ним, но далеко не успела и упала. «Ах, что за воздух!.. Как пахнет!..», — Петр Андреевич в восторге закрыл глаза. Он почувствовал, что деревенский воздух на него хорошо влияет. «Немного жарковато!» — Петр Андреевич сказал и, раскрыв глаза, посмотрел на Анну Карловну, которая качала Соню на коленях. «Мне очень приятно!», — Анна Карловна медленно сказала и улыбнулась.

Петр Андреевич удивился: у его жены были раскрасневшиеся щеки. Такой ее давно не видел. Деревенский воздух ее как бы оживил. Анна Карловна вынула из корзинки белое полотенце, накрыла им мураву и поставила на полотенце разные бутерброды, пирожки и завернутое в бумагу холодное жаркое. «Ну, Петр Андреевич, ты хотел есть...», — она несмело сказала. Петр Андреевич поднялся и начал жадно есть. «Плохо... Хочется пить!», — он заговорил. Коля подбежал, улыбаясь, раскрасневшийся: «Ах, как хочется есть, есть!» Анна Карловна подала ему бутерброд. Коля, отплясывая и вместе с тем откусывая бутерброд, повернул в сторону леса. «Ах птички, как они щебечут, разливаются и жужжат», — он в восхищении крикнул. Коля скакал на одной ноге, свистел, аукал, и опять откусывал по кусочку.